

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 101.1:316

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДВА ТИПА САМОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (СТАТЬЯ 2)

В.В. Ильин *, А.Г. Хайруллин **, Б.А. Хайруллин **, Е.К. Шаура***

* ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

** ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

*** ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.007

Философию и эпические формы литературы единит миссия – «человечность» освоения гуманитарных сюжетов, но различает «орудие» тематизации судьбы человечности. Философия преодолевает предметную детализацию мысли, вырывается из стесняющих обстоятельственных границ, роторгаует условность жизненного материала, не налагает на себя поведенческих уз. Преодолевает она и каноны жанровых систем, композиционных конструкций, тенденции стилевого самовыражения. В отличие от литературы, философия добивается универсальности трактовок универсальных возможностей, данных не в образах, а в идеях, не в сценах, а в отвлечениях.

Ключевые слова: философия, искусство, литература, самосознание.

Идея

Обозревающее, прозревающее умопонятие – на начальном этапе творчества – замысел, намерение на завершающем его этапе – стержневой пафос, разработческая тенденция, сообщающая органичность, пригнанность, когерентность заявлению мотивов, тематическому освещению. Идея – организующий эвристический принцип, несущий авторское мировидение по правилу мотивировочного подчинения: не важно, в каком мире ты живешь; важно, какой мир живет в тебе. По характеру выражения последнего в философствовании оно оказывается апологетизирующим функционером человечества [9, с. 34].

Помимо профессионального опыта нечто сходное отмечается в вариациях:

– свершения чуда – необычного, поразительного вмешательства божественной силы: распростирание Божьей матерью омофора над молящимися в 910 г. во Влахернском храме Константинополя, вдохновившее жителей Византии на изгнание сарацинов;

– открытия глубины сущего в предсмертном прозрении, когда «свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают... все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек...» [21, с. 17].

В такие пограничные, просветляющие мгновения-моменты обретается твердая почва, приходят силы «глагол господень возвестить» [16, с. 160]. Возвестить духовно прочувствованным, персонально выстраданным понятийным способом.

Шибболет художественной идеи – образность; философской идеи – умо-зрительность. Указание на двойственную природу философской идеи изобличает ее причастность:

– дискурсивно-разумному – она энтелехия демонстративно системосозидательного;

– интуитивно-чувственному – она энтелехия креативно системосозидательного.

Идея – «душа» произведения. И художественного (литературного), и философского. Но в первом случае с креном – в сторону композиционной, во втором случае – в сторону экспозиционной формулы [13, с. 120–147]. Возможны миксты: для концентрации философских идей, разбросанных в романе-эпопее, Толстому пришлось выполнить два эпилога. Один – для свёртки судьбических линий основных героев «Войны и мира» в языке беллетристики; другой – для свёртки-развёртки метафизических линий авторского миропонимательного кредо в языке историософии [14].

Интригующий сюжет – кристаллизация идеи. Здесь не находят ничего лучшего, как обращаться к ресурсу наития, озарения, инсайта. Пустые дела; пустые слова. Если избегать толкования идеи как чистой мыслительной предвзятости, отстранённого казуистического правила, содержательного насильничества (идеократия), она есть нормирующая субъективная форма интеграции, консолидации, целеориентации деятельности продуктивными основоположными понятиями, возникающими из свободного обобщения фактов действительности – общечеловеческого и индивидуального опыта практики и познания.

Подчеркнём: свободного обобщения. «Свободное» привносит момент нескованного типа «рисованья образами» (Гончаров); «обобщение» – необходимый момент коррекции. «Произвольное» образопроизводство уравнивается «сковывающим» адаптированием к реалиям. Возникает сбалансированный, билатеральный компакт: креативное жизнеупорядочивающее (идеалонесущее + фактоубеждающее) понятие.

Сила, глубина, выразительность, духоподъёмность идеи определяются профессиональной, гражданской позицией автора, принятого им способа (метод, стиль, жанр, мотивировка, установка) системосозидания – концепционного моделирования, интеллектуального оправдания собственной картины мира.

В общем, как в родовой принадлежности литературных форм правильно утверждать: идея способна идти «от мира» (жизни) и «от идеала» (души), – соответственно: эпико-драматическая и лирическая ориентация. Однако без догматически ангажированных квалификаций: материализм-идеализм¹.

Дело здесь гораздо тоньше. Не устраивает хмурая тишина, житейская бестолочь яви – героизируется правда идеала. Выказывает иллюзорность прекраснодушная картина совершенной мечты – героизируется правда жизни. Вопрос «что важнее» давно и безоговорочно решён. И решен в пользу жизни. Без пресловутого «оскорбления идеи» (Косолапов) житийным ее воплощением. Задача идеи (идеала) – не подменять жизнь, а через будирование, инициирование, одухотворение, вдохновение, воодушевление, возвышение, внутренний рост, целесообразное (само)прогрессирование содействовать ее преображению.

Идея (идеал) занимает своё крепкое историческое место – устремительного почина, побуждающего касания, прислонения к жизни. Любое другое место – дереализующий топос мертвого знака живых явлений [6, с. 179].

Философствовать – значит «разворачивать в обратную сторону обычное направление работы мысли», – отмечает Бергсон [4, с. 36]. На профессиональном языке сие значит: умело налаживать умственную рефлексию, выставляющую основоположения интеллектуальной деятельности специализированным предметом изучения.

У истоков такого рода исключительно полезной реверсии – сократовская майевтика.

Как отмечалось нами ранее [13, с. 4], метод Сократа – не способ достижения планируемого результата использованием фиксированных приёмов действия. Иначе говоря, майевтика – не метод в стандартном эпистемологическом понимании. Не будучи особым достижительным поисковым орудием, майевтика тем не менее реализует великое повивальное дело. Каким образом? Общей санацией мыследеятельности, критико-аналитическим избавлением её от предвзятости, самонадеянности, предубеждений, невыверенного следования авторитету. С оживотворяющим эффективным обретением отрезвляющего представления неоднозначности, вариативности, многоосности истины, не вписывающейся в прокрустово ложе расхожих решений. Сказанное обретает дополнительную ценность в случае выработки системных стратегий, тематизации природы судьбоносных жизнеёмких обстоятельств типа – что есть Любовь, Красота, Справедливость, Мужество и т. д. Никаким нагнетением ходульных трактовок здесь не ограничиться. На повержно-

¹ Начиная зарастать бурьяном «маловысокохудожественная» (Зощенко) представляющая половодье начетничества платформа Ойзермана в недалёкое «наше время» навевающая чёрно-белую палитру философствования.

сти лежащие содержательные минимизации смазываются, отменяются погружением в многосложные контексты богатых смысловых историй, где лобовые толкования раздваиваются, растриваются, мультиплицируются утрачиванием очевидности.

Интенция на заграждение полёта граничащей с невежеством самонадеянной умственной непредусмотрительности движением, имеющей склонность не прогибаться под смысловой нагрузкой теоретизирующей мысли к максимально полной, многосторонней, не истрепанной, как пословица, экспозиции ее предмета – составляет сугубую заслугу Сократа, концептуально, методологически, эвристически закладывало перспективную диалектическую традицию восхождения от абстрактного к конкретному.

По майевтической эпопее Сократа собственная содержательность философии развёртывается в режиме системной рефлексии. И не может иначе.

Творческие общности

Охарактеризуем лишь «направление» и «течение».

Направление – широчайший, магистральный с признаками сквозной, регулярной преемственности модус философствования, характеризуемый методологическим, эвристическим сходством творческого исполнения профессии. Взаимодействие философских направлений – их сотрудничество, соперничество в утрировании архитектурных форм в исторических локалах-конклавах образует стержень положительного философского процесса.

Генеральный показатель обособления направления решение основного вопроса философии, не отстаивание партийной линии в профессиональных дрязгах вокруг первичности материального или идеального суперначала, но принципиальная позиция по способу налаживания, отправления, отрегулирования, настройки опыта философствования. Рычагом продуктивного самоопределения служат не декларации, не ответы на запросы-потребности звучных тенденций, но ход самостроения в виде заинтересованного опробования возможностей, обнаруживаемых в продумывании краевых задач через разбиение универсума на альтернативы и последовательное концепционное моделирование вариаций в фундаментализации (субстантивации, эссенциализации) альтернатив.

Философские направления вытекают не из жизненного, но из умственного опыта развертывания техники интеллектуального обследования дихотомий, получаемых логическим делением объёма предельных понятий – онтологических, гносеологических, праксиологических, аксиологических, деонтологических и других гиперонимов (семантических гипонимов) – категориальных универсалий.

Складыванию литературных направлений способствуют жизненно-практические условия; складыванию философских направлений спо-

собствуют поисково-умственные условия в виде предпосылок заявления духовной свободы – состояние, когда, по мысли Шеллинга, пытливая культура считает себя «вправе всему существующему противопоставить свою, действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно» [17, с. 12].

Цель искусства – «выражение доведенной до типа (! – авт.) возвышенной сущности изображаемых предметов», – утверждает Гауптман. Цель философии – выражение до архетипа посессивной сущности изображаемых предметов, – утверждаем мы. Востребует подчеркивания:

– архетипичность, – говоря слогом Гегеля, – «подъем ко всеобщему»;

– посессивность – теорийное движение в интеллектуально (абстрактно) значимой возможности;

– эссенциальность – возрастание к существенности.

Три в одном позволяет философии, не теряя социально-исторического такта, играть всеобъемлющую ответственную умственную роль *Theatrum mundi*. Играть выполнением альтернативных мироопределятельных сценографий.

Эвристическим приемом дихотомизации сущего универсум разбивается на контрадикции, – скажем: «жизнь» – «смерть». Концептуальное сосредоточение на одном разворачивает парадигму «апология жизни» – «самоценность бытия» с отличительными рефлексивными аксессуарами: оптимизм, активизм, эффективизм, филантропизм. С призывным: «надо жить, играя» (Платон); «войти в царство человека, как в царство небесное» (Бэкон), находящим богатейшие импликации в образно-художественном самосознании: «цель литературы – человечность» (Т. Манн); «... создать из государства вечной жизни светлый храм» (Ибсен); «Долой оружие» (Берта фон Зутнер); «Прощай оружие» (Хемингуэй).

Концептуальное сосредоточение на другом разворачивает парадигму «апология смерти» – «самоценность ничто» с отличительными рефлексивными аксессуарами: пессимизм, нигилизм, скептицизм, квиетизм, мизантропизм. С разъедающим: «стоит ли жизнь того, чтобы жить», «есть только одна действительно серьезная философская проблема: проблема самоубийства» (Камю) с навязчивыми импликациями в обыденный и литературный опыт: деятельность Гегесия Александрийского – проповедника массовых самоубийств; милитаризация межсубъективной коммуникации: «война – единственная гигиена мира» (Маринетти); вплоть до некрофилии (Г. Иванов).

Говоря строго, интеллектуальные мегатренды – преформичны – как возможности предопределены самим способом отправления философской доктринации через гиперонимическую фиксацию базовых состояний (устоев) бытия с последующим уточнением их контактов.

Абстрактное обследование посессива при потребности выйти в реалис задействует проекционные, верификационные ресурсы – возника-

ет жизнеутверждающая (гуманизм, прогрессизм, коллективизм) или жизнеотрицающая (индивидуализм, анархизм, катастрофизм, аморализм) картина мира. Последняя питает и питается сопредельными формами духовного и практически-духовного. Обратим внимание лишь на дух тотального эффективизма, захватившего космизм, индуцировавшего платформу «перекрытия реальности» в борьбе со смертью – философия «Общего дела»; «овладение временем», анастатика (Муравьев); сциентистский бум «победа смерти» – работы по омоложению Щипачева, Штейнаха, Кольцова; литературный ответ на чаемые антропологические метаморфозы – Уэллс «Остров доктора Моро», Булгаков «Дьяволиада», «Рокковые яйца», «Собачье сердце»; социально-политический проект – экспериментальная культивация нового человека (*homo soveticus*).

Аналогично – получившая развитие в эпохах, веках дихотомическая тематизация «начало мира» (античность – программа архе – современная космогония) – «конец мира» (средневековье – «новое средневековье» – апокалиптика, финализация существования).

Сходно – версификация познаваемости: мир познаваем дискурсивно (рационализм, сциентизм) – мир познаваем интуитивно (интуитивизм, антисциентизм) (ср.: Шопенгауэр: не научное, а художественное (интуитивно-образное) осмысление действительности приближает к мудрости; в последнем – прямое оправдание декадентского разрушения всех святынь. У того же Малларме:

... скончалось Небо!

Да будет Идеал, свиреп, как Грех, забыт... [11, с. 448]).

Подобно – капитальная антропологическая инверсия, покрывшая богатство интерпретаций существа человека от: «раб – нечеловек»; через «раб – человек»; до «человек – раб божий» [7, с. 98].

Соответствующие миродейательностные альтернативы в языке образно-художественном прорабатывают литературные направления:

- классицизм: стереотипность коллизии «чувство – долг»;
- сентиментализм: сосредоточение на «чувственности» в ущерб «разумности», уничижение рационализма, ригоризма, прагматизма на фоне возвеличения впечатлительности;
- романтизм: обследование двоemiрия «реальное – идеальное», «профанное – чаемое»;
- реализм (натурализм): упор на объективное (необходимое) в противовес субъективному (случайному).

Но исполняют данное дело в частных фигурах релевантных форм повествования, сюжетных линий, композиционных конструкций, стилевых приемов. Философия же добивается универсальности трактовок универсальных возможностей в рамках обследования предельных постановок – вне замыкания на «заданные условия».

Тот же сентиментализм, романтизм обогащают литературу проблематикой «субъективности», активно моделируя душевные состояния

лирического (часто исключительного) субъекта в (часто исключительных) обстоятельствах. Философия никаких исключительных субъектов – героев, характеров, поставленных в исключительные обстоятельства (условия) – не требует; она исследует «субъективность» саму по себе, как таковую, в качестве универсалии, в ее абстрактной (безусловной) соотнесенности с контрарной универсалией – «объективностью». Как назидал Фихте: «Рассматривать сознание как особый, самостоятельный феномен, не нуждающийся для своего объяснения во вмешательстве чего-нибудь чуждого... такой взгляд на сознание с полным правом называется идеализмом... Мы полагаем, что всякая философия с самого начала необходимо должна быть идеализмом» [22, с. 70–71].

Литература живо интересуется оппозицией «материальное – идеальное», но под углом зрения «отрицательное – положительное», «посредственное – выдающееся». Подлинный герой наделен высокой духовностью, олицетворяет положительные ценности; его антипод поглощен низкой материальностью, олицетворяет отрицательные ценности. Философия преодолевает предметную детализацию мысли, вырывается из стесняющих обстоятельственных границ, расторгает условности жизненного материала, не налагает на себя поведенческих уз. Преодолевает она и каноны жанровых систем, тенденции освещения, особенности стиля: мысль ее вольна и «чиста», – обуславливается оценкой универсальных абстрактных возможностей, данных не в образах, а в идеях, не в сценах, а в отвлечениях.

Философская техника – не фактуальная, но эйдетическая: желание обосновать или отвергнуть идеи на основании фактов – сугубая бессмыслица [10]. Философскую истину ограничивает не ложное, но убогое. Философские постановки своей бездонностью (гиперонимическая универсальность) самоценны. Скажем: что лучше – иметь и потерять? Или – вовсе не иметь? Любовь – подарок? Или – наказание?

В литературе герои, оказываясь слабее враждебных им событий, гибнут. Герои философии – идеи – всегда «выше» своего задания, не гибнут никогда (ср.: с «приземленной» редакцией трагедийной сшибки разительных противоположностей «внутренняя свобода» – «внешняя необходимость», однако заточенной не на отслеживание напряжений абсолютов, а на «облегченную» вариацию раскрытия тайн «души человеческой» с обязательным, но непродуктивным предположением существования более глубокого смысла вещей).

Течение – модификация направления. С количественной стороны – более дробная единица; с качественной стороны – вид, специя, выступающая детализацией анцестрального идейного ствола. Наличествуют пролиферации стратегических миропредставительных платформ:

– материализм: стихийный, метафизический, пантеистический, органистический, механистический, вульгарный, стыдливый, антропологический, диалектический, исторический;

– идеализм: субъективный, объективный, магический, трансцендентализм, феноменологизм, интуитивизм (выделение последних трех обязано подчеркиванию особого статуса причастных III миру ментально-виртуальных объектов, концептуализация природы которых еще ожидает складывания адекватных языковых и модельных средств представления);

– методологии их оформления: монизм – плюрализм, с неизбежными ветвлениями – физикализм, логизм, психологизм, параллелизм.

Течения различаются авторской нюансировкой доминант мотивировок, оценок, принятий профессиональных предметных, поисковых, концепционных решений. Между тем на глубинном уровне своей творческой реализации все они оказываются лишь одной философией «на различных ступенях ее развития», ибо все они – лишь «ответвления одного и того же целого» [8, с. 99]. Ответвления, получаемые логической разбивкой целого с последующей соотносительной тематизацией продуктов разбиения. Отсюда, по точной мысли Гегеля, развитие философии в истории удовлетворяет развитию логической философии, хотя в последней обнаруживаются места, выпадающие «в развитии в истории».

Несоответствие исторического логическому находит подкрепление в оформлении получаемых через обследование посессива сугубо логических возможностей, оказывающихся результатом дихотомизации универсума – последовательного ветвления целого. Таковы дивергентные платформы-понимания «натурализм – спиритуализм», «эссенциализм – феноменализм» и т. д., подгоняющие собственные сольные партии под оркестровые исполнения.

Пикировка «материализм – идеализм», конечно, поляризует философские учения, но в мизерном топосе введения исходной системы отчета, обозначения отправного момента развертывания рассуждений из некоей начальной точки. За ее пределами в онтологии материализм моделирует генеалогию духовного («небесного»), идеализм – телесного («земного»). В гносеологии (репрезентативной формой которой, кстати, не располагает материализм) и для материализма, и для идеализма составляет камень преткновения расчленить познаваемый предмет на «предмет» и «познание». А при уточнении статуса вводимых по принципу свертывания $\{x/\phi_x\}$ буквально отрешенных виртуальных сущностей в возможных мирах (круглый квадрат, дырка от бублика, улыбка без кота, трансцендентные числа, светлое будущее и т. д.) [12], ищущая мысль не может не сталкиваться с необходимостью приписывать реальность эйдосам (платоновские идеалии), прибегать к гипостазису. Положительное движение в проблеме бытия идеальных смыслов выражаемого, захватывая денотацию, не покрывается готовностью смешивать, уравнивать идеальное и материальное (как обреченно близоруко менее 40 лет назад чеканил Мельвиль [20, с. 97]).

Положительное движение в данной проблеме *volens-nolens* подводит к утверждению какой-то реальности «мнимой» системы объектов,

в чем узколобым зубодробительством, навешиванием этикеток «материализм–идеализм», «прогрессизм–обскурантизм» ничего не добиться.

Решение головоломной теоретико-познавательной сверхзадачи упирается в разработку специфической логико-методологической и концептуальной техники с реляционной многоуровневой семантикой, адаптированной к экспозиции ситуации в возможных мирах за счет перспективных выходов из реалиса в кондициалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив.

Без всяких нарочитостей, акцентуации «партийности», классовых корней философских теорий и прочей политической шелухи.

Философию как систему знаний требуется освободить от чуждых ей конъюнктурных имплементаций – включенности в политический процесс, партийной ангажированности. Партийное, государственное покровительство, подмечал Луначарский, приучает художников, обществоведов, философов к неискренности натасканной революционности; на данном основании государство должно совершенно воздерживаться от каких бы то ни было политических давлений на мыслителей – «величайшая нейтральность в этом отношении» [18, с. 1] (Ср. с линией Ленина, поддержанной Сартром, о всесторонней политизации литературного (художественного) процесса).

Партийность не может быть залогом научности (как применительно к диалектическому-историческому материализму, осуществляющему защиту интересов пролетариата как непрменный момент научности, пустозвонили многие теоретики советской поры), социально-классовая предвзятость исключает рациональную интенцию на объективность; в противном случае недалеко до курьезов-перверсий самоотрицания духовного производства в залоге псевдореволюционной пропаганды: дескать, коммунизм отменяет религию, философию, искусство. Почему? Потому что творческая деятельность суть проявление не нашедших себе реального применения бессознательных сил – неврозов: «Творцом религиозных систем овладевает невроз навязчивости, художник заболевает истерией, философ – паранойей. Все это одни и те же виды ухода от реальности...» [19, с. 76–77].

С коммунизмом кончается философия, как, впрочем, ... все.

Воистину: философия – непотребное занятие в особенности в представлении глубоко партийных, т. е. больных людей.

В литературе давно отказались от порочного стиля детских трюпок, вразумляющих шлепков великих ниже поясицы; отчего Руссо нравится нам всеми своими слабостями, заблуждениями? – вопрошает Карамзин, – оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры непреходящего («страстного человеколюбия») [15, с. 29–30].

Величие великих – и в просчетах!

В чем значимость, значительность Карамзина? В том, что своим сентиментализмом (не соцреализмом!) он «выразил дух времени» [1,

с. 310]. Что дает разделение романтизма на «активный – пассивный», «прогрессивно-революционный – консервативно-реакционный»? Много ли смысла в причислении Жуковского ко второму? Значение его творчества от того умаляется?

Кто в самом деле – Жуковский?

Белинский называет его «истинным романтиком» [3, с. 143]; Веселовский – представителем карамзинского направления – сентименталистом [5]. Все-таки он – кто?

Хочется сказать – какая разница. Главное, он – поэт. Величина. Равной которой нет в выражении «мечтательной грусти, унылой мелодии, задушевности и сердечности, фантастической настроенности духа, безвыходно погруженного в самом себе» [2, с. 291].

Однопорядковое – в философии. Сенсуализм – в классической концептуальной форме – Гоббс, Гассенди, в особенности Локк – мультиплицируется на сенсуализм Беркли, Юма (продолжение линии Протагора) и Дидро, Ламетри, Гельвеция, Гольбаха (продолжение линии Эпикура). Одно – идеализм, другое – материализм. Что дает констатация? Ничего, кроме навешивания ярлыков². Между тем под различием – подлинные проблемы. В гносеологической плоскости: фиксируются ли во внешнем опыте данные объектной среды «непосредственно» или «опосредованно»; они – «запечатлеваются» при «конструируются»? Как далеко заходят потенциалы названных способностей души? В антропологической плоскости: обострение момента чувственности-чувствительности человеческого опыта востребует доуточнения мотивов самопроявления «Я» на предмет «подлинности–фальшивости»: чувственность-чувствительность способна манифестировать «чуткость» и – «манерность», притворную позу и сердечную сострадательность. Центрируется проблема подлинной «внесловной» ценности человека.

Тематизация сказанного радикализует грани, нюансы, оттенки, разрушающие серьезность квалификаций «материализм – идеализм» как тормозящих интенсивное сосредоточение мысли, мобилизацию исследовательских устремлений на непредвзятый позитивный поиск.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 3. 682 с.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 6. 799 с.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 7. 740 с.
4. Бергсон А. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: М.И. Семёнов, 1914. Т. 5. 206 с.

² Важна не квалификация, а подлинная оценка творчества. На вопрос, к какой школе он принадлежит, Фолкнер ответил: к школе гуманизма.

5. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного во-
ображения». Пг.: Книгоиздательство «Жизнь и знание», Типография «Научное
дело», 1918. 550 с.
6. Гаспаров М.Л. Филология как нравственность: о прошлом и будущем,
об интеллигенции, о культуре, о школе, о жизни: статьи, интервью, заметки.
М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 283 с.
7. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. М.: Искусство, 1972. 200 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль,
1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
9. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноме-
нология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
10. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // «Логос». 1911. Кн. I. С. 4–59.
11. Западноевропейская лирика. Л.: Лениздат, 1974. 568 с.
12. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических
форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 384 с.
13. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект,
2018. 173 с.
14. Ильин В.В. Философия истории. М.: Издательство Московского уни-
верситета, 2003. 380 с.
15. Карамзин Н.М. Что нужно автору? Кн. 1 // Аглая. М.: Университетская
типография, 1796. 144 с.
16. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: в 2 т. М.;Л.: Советский
писатель, 1967. Т. 1. 668 с.
17. Литературная теория немецкого романтизма / под ред., со вступ. стать-
ей и комментариями Н.Я. Берковского; пер. Т.И. Сильман и
И.Я. Колубовского. Л.: Издательство писателей, 1934. 336 с.
18. Луначарский А. Художественная политика советского государства // *Жизнь искусства*. 1924. № 10 (984). 4 марта.
19. Малис Г.Ю. Психоанализ коммунизма. Харьков: Космос, 1924. 87 с.
20. Мельвилль Ю.К. Пути буржуазной философии XX века. М.: Мысль,
1983. 247 с.
21. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.;Л.: Гослитиз-
дат, 1949. 254 с.
22. Фихте И.Г. Факты сознания / пер. О. Давыдовой, под ред. и с предисл.
Э.Л. Радлова. СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1914. 152 с.

PHILOSOPHY AND LITERATURE: TWO TYPES OF SELF- CONSCIOUSNESS OF HUMANITY (ARTICLE 2)

V.V. Pyin*, A.G. Khairullin, B.A. Khairullin**, E.K. Shaura*****

* Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
Kaluga

** Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny

***Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Philosophy and epic forms of literature are united by the mission of expressing the human dimension of the world. However, they are distinguished by the «tools» of thematization of the human destiny. Philosophy overcomes the details of thought, breaks out of the constraining circumstantial boundaries, overcomes the conventionality of life material, does not impose behavioral bonds on itself. It also overpasses the canons of genre systems, compositional structures, and trends in stylistic self-expression. Unlike literature, philosophy seeks universality of interpretations of universal possibilities given not in images, but in ideas, not in scenes, but in conceptual constructions.

Keywords: *philosophy, art, literature, self-consciousness.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИН Аскар Гафиятуллович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ХАЙРУЛЛИН Булат Аскарлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: presario87@yandex.ru

ШАУРА Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант ФГАОУ ВО Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва. E-mail: aperon@mail.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD, Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

KHAIRULLIN Askar Gafiyatullovi – PhD, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru

KHAIRULLIN Bulat Askarovich – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Economics of Enterprises and Organizations of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny. presario87@yandex.ru

SHAURA Elena Konstantinovna – PhD, Associate Professor, Doctoral Student of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of the Russian Federation, Moscow. E-mail: aperon@mail.ru